

Публикация очерка о его литературном наследии («Собеседник», 1989 г., № 6) вызвала отклик. «Почему даже на филологическом факультете ничего не говорится о замечательных стихах П. Васильева?» — спрашивают студенты А. Панкратенко и В. Сидорук из Киева. «Вы не называете причин ареста Васильева в 37-м году. Он, что, действительно был «певцом кулацкого класса»? — интересуется школьник И. Кочетков из Омской области. «В передаче по ЦТ мы слышали, что П. Васильев отличался хулиганским характером, так ли это на самом деле? Читая его прекрасные стихи, не хочется в это верить», — беспокоятся жители Павлодара Н. Бураева и Г. Старина, города, где прошли детские годы поэта...

Среди откликнувшихся на публикацию была дочь поэта — Наталья Павловна. В недавнем прошлом — инженер, сейчас на пенсии, живет в Рязани. Она приехала в редакцию, привезла кипу фотографий, писем и документов, с интересом ознакомились с

«Не успел я приехать в Москву, как услышал о довольно неприятной для меня вещи. А именно: конфисковали номер «Нового мира» из-за моей поэмы, т. ч. успело разойтись лишь 100 экз. журнала.

Само собой, и книжка моя тоже задержалась с выходом. Все это вместе взятое сделало меня чрезвычайно популярным в литературных кругах — но Боже упаси от такой популярности! Ты представляешь, сколько у меня теперь хлопот, неприятностей и т. д....

Как видим, поэт сам определял «исток» недоброй молвы о нем, как о поэте-подкулачнике». Он предвидел «хлопоты и неприятности», а может быть, и нечто более опасное, скрывающееся в этом многозначительном «и т. д.». — Васильев, по свидетельству очевидцев, был фантазер, выдумщик... Говорят, он даже придумывал факты собственной биографии?

— Отец в 16 лет покинул родительский дом. Он путешествовал по Дальнему Востоку, Приморью, всю Сибирь прошел пешком, работал на Лен-

— Кто может ответить: почему художник таков, какой он есть? Почему внешне грубоватым и заносчивым выглядел В. Маяковский, а внутренне это был деликатнейший и легко ранимый человек? Почему Б. Пастернак бесконечно умилялся, он и говорил часто, как рыдал, а внутри оказался крепким: не изменил своим идеалам и принципам, не покинул Родины, хотя его чуть ли не силой выхивали из страны...

Я не знала и не помнила отца и только по его письмам к маме (она их хранила всю жизнь), по воспоминаниям людей, близко знавших его, могу судить, какой сильной и нежной, взрывоопасной и дерзкой была натура Павла Васильева. Широта и яркость павлодарских степей, чистота сибирских снегов, ярость казачьей скачки и стихия океанского шторма — все уживалось в его душе и выплескивалось на белые листы бумаги... Характер поэта был сложным и противоречивым, он приводил его к ошибкам житейского, бытового свойст-

героического строительства, охватившего страну, и при условии задач, которые стоят перед советской литературой, — является не «случаями в пивной», а политическим фактором. От этого хулиганства, как правильно Вы выразились, до фашизма расстояние короче воробьиного носа».

— Павел Васильев хорошо понимал, что значило слово А. М. Горького в те годы, потому и спешил заверить общественность страны, которую охватило «героическое строительство», что он — не фашист и не враг народа. Опоздаль...

— Вы знаете, сам Алексей Максимович тоже понимал, какой резонанс может вызвать его статья. Полагаю, он искренне беспокоился о неверном истолковании его слов. Во всяком случае лично мне хочется верить в это. Иначе Горький не опубликовал бы своего ответа на письмо Васильева: «Мой долг старого литератора, всецело преданного великому делу пролетариата, — охранять литературу Советов от засорения фокусниками слова, хулиганами, халтурщиками и вообще паразитами. Это — не очень легкая и очень неприятная работа. Особенно неприятна она тем, что как только дружески скажешь о ком-либо неласковое или резкое слово — то тотчас же на этого человека со всех сторон начинают орать люди, которые ничем не лучше, а часто — хуже. Так было в случае с Панферовым: немедленно после моего мнения о небрежности его работы на Панферова зарычали, залаяли даже те люди, которые еще накануне хвалили его. Этих двоедушных, беспринципных паразитов пролетариата нужно ненавидеть, обличать, обнажать их гнусное лицемерие, изгонять из литературы так же, как всякого, кто так или иначе компрометирует советскую литературу, внося в нее всякую дрянь и грязь».

— Наталья Павловна, не кажется ли вам это письмо неуклюжей попыткой отгородиться от тех, кто по команде литературных генералов начинает «орать, рычать и лаять» на заблудших? Ведь в начале письма, которое вы цитируете, Горький делает комплименты Васильеву: «неудожинное дарование», «если этой воли хватит вам... тогда вы, наверное, войдете в советскую литературу как большой и своеобразный поэт...». А в конце — опять призыв: «ненавидеть, обличать, обнажать и изгонять».

— Вы забываете, какое тысячелетие было на дворе... Сталинская политика ненависти, обличения, изгнания людей стала государственной доктриной. Легко нам сегодня судить Горького... Впрочем, пусть молодые читатели сами поймут и оценят отношения между молодым поэтом Васильевым и столпом советской литературы — А. М. Горьким. Я же хочу заметить, что многие советские литераторы помнили и любили Павла Васильева. Всех их здесь не перечислить. Очень многое сделали для восстановления имени поэта, для возвращения его творчества советскому читателю писатель Сергей Залыгин, Е. А. Вялова — жена Васильева (она, кстати говоря, тоже была репрессирована), И. М. Гронский, бывший редактор «Известий», поэт С. А. Подколков... Я бесконечно благодарна за то, что они помнили и любили отца. Павел Васильев отвечал им взаимностью. В одном из последних своих стихов он написал:

Друзья, простите за все —

в чем был виноват,

Я хотел бы потеплее

распрощаться с вами...

Разумеется, я понимаю, что молодежи хотела бы знать, почему был арестован поэт Васильев, как он погиб — на этот счет нет никаких точных данных, а существуют только версии, легенды... Как все люди в нашей стране, я радуюсь наступившей гласности, возможности раскрытия «белых пятен». Поверьте, для меня сегодня совершенно не важны обиды, старые счесть с недоброжелателями или врагами моего отца.

— Думаю, для этого вы и согласились отвечать на вопросы газеты. Для нас важно новое — теперь уже третье открытие (второе состоялось в годы «оттепели») прекрасного поэта Павла Васильева. И лучшей наградой для нас будет, если кто-то из многомиллионной аудитории читателей «Комсомолки» после прочтения беседы с вами пойдет в библиотеку и попросит томик стихов советского поэта Павла Васильева. Он вернулся к нам...

Спасибо вам за беседу.

Беседовал
А. КУПРИАНОВ.

«Я хотел бы потеплее распрощаться с вами...»

вопросами читателей и согласилась ответить на них.

— Наталья Павловна, какую бы горечь вы поднимали воспоминания в вашей душе, сегодня они нужны молодежи: читатели 80-х годов хотят знать правду о вашем отце...

— А я и не собираюсь ничего скрывать... Она не стыдная, эта правда.

— Итак, «чем больше будет в нашем искусстве таких художников, как Васильев, певцов своей неповторимой песни, тем успешнее станет служить оно социалистическому обществу» — это нарком просвещения Луначарский. «В начале тридцатых годов Павел Васильев производил на меня впечатление приблизительно того же порядка, как в свое время... Есенин и Маяковский...» А это — Пастернак...

— Вы знаете, когда в 1956 году, почти после двадцатилетнего замалчивания поэзии отца, в журнале «Октябрь» была впервые опубликована его поэма «Христорожковские ситцы», на даче в Переделкине ко мне подошел Борис Леонидович Пастернак и, взяв за руки, взволнованно произнес: «Наташенька, я всю ночь читал «Христорожковские ситцы» и плакал...»

— Читатель 30-х прекрасно знал творчество Павла Васильева. Начав писать и публиковаться очень рано — в 16 лет, он сумел создать десять эпических полотен — кратких, социально значимых. Я бы сказал — буйных поэм! А лирика Васильева — раскованность чувства, пиришество красок и звуков... Что же стало причиной ареста и гибели поэта, который еще только подходил к вершинам своего творчества?

— Долгие годы ни родители Павла Васильева, ни моя мама — Галина Николаевна Анучина (первая жена поэта. — А. К.) не знали, за что был арестован Васильев. Приведу отрывок из письма Глафиры Матвеевны Васильевой (матери поэта. — А. К.) моей маме: «Был обыск, рукописи и переписку забрали, свидания и передачи не разрешают, но деньги, Елена пишет (Е. А. Вялова — вторая жена поэта. — А. К.) принимают... Остальное ты по газетам знаешь. Как его срамят и пр. Конечно, он ни в какой организации не мог состоять, тебе нечего говорить, ты Пашу знаешь. Тяжело очень и жаль его...»

Вот такое письмо, из которого можно понять, что отца обвиняют в принадлежности к какой-то организации. В те годы многим предъявлялось обвинение в принадлежности к «партиям» и «группировкам». Ну а как «срамили» его по газетам — тоже известно...

— Вы имеете в виду обвинения критиков в воспеивании поэтом Васильевым «кулацкого быта» и «патриархальности енисейского казачества»?

— Не только это... Арестовали Васильева в 1937 году, но еще в начале 30-х он выслушивал незаслуженные упреки в низком идейном уровне его уникальной поэмы «Песня о гибели казачьего войска», а поэма «Соляной бунт» была конфискована вместе с тиражом «Нового мира». Вот что пишет отец в письме к моей маме 27. 3. 1933 года:

ских приисках, был матросом, погонщиком собак... Он любил жизнь необычную и яркую. Так что ему не нужно было придумывать собственную биографию. Хотя, действительно, исследователи путались в фактах его жизни. Может быть, виной тому яркие рассказы Павла Васильева о своих странствиях?

— Я, к примеру, встречал упоминание о том, что однажды Павел Васильев выдал себя за сына... казачьего есаула!

— Отец его, мой дедушка, Николай Корнилович Васильев, преподавал в школе. Мать Васильева — Глафира Матвеевна отличалась добротой и сердечностью, именно ей поэт-подросток доверял свои первые стихи. Несомненно, большое влияние на творчество Павла Васильева оказали его дед — Корнила Ильич и бабушка — Мария Федоровна. В 60-е годы моя мама, по просьбе Омского музея, написала воспоминания. В них она упоминает бабушку поэта: «Неграмотная крестьянка, она работала прачкой и поварихой. Была прекрасной хозяйкой и матерью... Она умела слагать необыкновенные сказки, в которых были переплетались с фольклором, где были и ведьмы, и цари, и колдуньи, и мужики, и рабочие, и милиционеры. Павел помнил эти сказки...»

Колоритной фигурой был в семье Васильевых и дед — Корнила Ильич. Никаких «есаулов» в их роду не было. Правда, отец поэта — Николай Корнилович отличался нравом крутым и характером упрямым, порой — жестким, но зато кроткими и добрыми, душой семейства были Глафира Матвеевна и Мария Федоровна.

— Откуда же в Павле Васильеве была эта сила, неукротимость, порой бьющая через край, — и не только в творчестве, но и в быту? Общеизвестны строки друга Васильева — известного советского поэта Ярослава Смелякова:

А первым был поэт

Васильев Пашка,

Златоволосый хищник

ножевой,

Не маргариткой вышита

рубашка,

А крестиком — почти

за упокой...

Я понимаю, что «хищник ножевой» — всего лишь гиперболы, но, видимо, Смеляков хотел подчеркнуть необузданность нрава Васильева...

ЭТО БЫЛ
КРАСИВЫЙ
И ТАЛАНТЛИВЫЙ
ЧЕЛОВЕК.
ОН РАЗДЕЛИЛ
ТРАГИЧЕСКУЮ
СУДЬБУ
СВОЕГО
НАРОДА.
СЕГОДНЯ
НАШ
РАССКАЗ
О РУССКОМ
ПОЭТЕ
ПАВЛЕ
ВАСИЛЬЕВЕ

ва. Часто они, эти ошибки, перечеркивали, заслоняли главное в судьбе Павла Васильева — его творчество. В конечном итоге именно злое свойство натуры отца сослужило ему злую службу. Его обвинили в литературном хулиганстве. А завистники-«фараоны» оставили только приклеить ярлык — «враг народа».

— В исследованиях западных литературоведов я встречал обвинение А. М. Горького в том, что он являлся «подстрекателем» травли Павла Васильева. Так, например, в «Энциклопедическом словаре русской литературы с 1917 года» (Лондон, 1988 г.) сообщается: «В 1932 Васильев был в первый раз арестован, в 1934 против него развернулась кампания травли, в ходе которой его обвинили в пьянстве, хулиганстве, белогвардейщине и защите кулачества. После того как к травле поэта присоединился Горький, указав на целесообразность его «изоляции», попытки Васильева исправить положение стали напрасными...»

— В статье «О литературных забавах» Алексей Максимович резко и критично упоминает об отце. Павел Васильев откликнулся немедленным письмом к Горькому, в котором пытается анализировать свое поведение, заверяет Алексея Максимовича в том, что, «имея значительные идеологические срывы в своих произведениях», он никогда не являлся и не будет являться врагом Советской власти... Ну насчет «значительных идеологических срывов», как доказало время, — явный наговор уже на самого себя — со слов услужливых критиков и недоброжелателей. А вот причины собственного поведения Павла Васильева в этом письме имеет мужество назвать честно. Горькое признание: «Советская общественность не раз предостерегала меня от хулиганства и дебоширства, которые я «великодушно» прощал себе. Но только Ваша статья заставила меня очухаться и взглянуть на свой быт не сквозь розовые очки самовлюбленности, а так, как полагаются — вдумчиво и серьезно...»

Отец употребляет очень точное слово — быт... В те годы он губил многих литераторов. Тяжким было обвинение общественности поэту, если в письме к Горькому он, в стиле тех лет, кается: «...Такое мое хулиганство на фоне